

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/95/22

Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях

Дарья Игоревна Павличенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, dasha00.000@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены иллюстрации в альбомах, журналах и других изданиях второй половины XIX – начала XX в., изображающие Царство Польское. Цель исследования – проанализировать, как его образ представлялся на визуальном материале и комментариях к нему, и определить характеристики, которыми наделялись поляки и Царство Польское иллюстраторами и авторами статей. Научная новизна работы заключается в анализе не только вербальной, но и визуальной составляющей образа Царства Польского. В результате определено, что иллюстрации не были свободны от трансляции авторами негативного стереотипа.

Ключевые слова: Царство Польское, визуальный образ, Российская империя, этнографические альбомы

Для цитирования: Павличенко Д.И. Визуальный образ Царства Польского во второй половине XIX – начале XX в. в российской прессе и печатных изданиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 170–180. doi: 10.17223/19988613/95/22

Original article

Visual image of Congress Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Russian press and printed publications

Darya I. Pavlichenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, dasha00.000@yandex.ru

Abstract. The article deals with illustrations in albums, magazines and other publications of the second half of the 19th – early 20th centuries, depicting the Kingdom of Poland. The purpose of the study is to analyze how the image of the Kingdom of Poland was presented on visual material and comments on it and to determine the characteristic that the Poles and the Kingdom of Poland were endowed with by illustrators and authors of articles. Popular ethnographic albums containing articles about the Poles are considered: «Description ethnographique des peuples de la Russie» by T. D. Pauli, «Russian peoples: pen and pencil sketches» by N. Zograf, «Peoples of the Earth» by A. Ostrogorsky. The magazines «Niva», «Picturesque Review», «Peoples of Russia» are involved. Also the article considers the encyclopedia "Picturesque Russia". The scientific novelty of the work lies in the analysis of not only the verbal, but also the visual component of the image of the Kingdom of Poland. As a part of the work, each essay and illustration is examined for the transmission of certain stereotypes about the Poles, and the stereotype is analyzed on being negative or positive. As a result, it was determined that the illustrations were not free from the transmission of negative stereotypes by the authors. In almost all publications, the Poles were portrayed from a negative point of view, which, according to the author, was caused by the memory of the November, January and Krakow uprisings.

Keywords: Congress Kingdom of Poland, visual image, the Russian Empire, ethnographic albums

For citation: Pavlichenko, D.I. (2025) Visual image of Congress Poland in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Russian press and printed publications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 170–180. doi: 10.17223/19988613/95/22

Вторая половина XIX в. – время расцвета иллюстрированных изданий, огромное множество которых печаталось и на территории Российской империи. Нередкими стали и историко-географические и этнографические издания, а также статьи в периодике.

Целью этих публикаций была популяризация сведений о странах и населяющих их народах среди широкого круга читателей; они не претендовали на научность (этнография XIX в. в принципе разделяла весьма ненаучное мнение о наличии тех или иных черт характера у определенного народа). Безусловно, историко-географические и этнографические материалы в популярных изданиях, излюбленных публикой, содержали определенные стереотипы, однако в рамках настоящей статьи подобный стереотип как раз и интересен.

Было принято решение ограничить хронологические рамки второй половиной XIX в. и рубежом XIX и XX вв. (до 1914 г.) по нескольким причинам: во-первых, данный период является наиболее богатым на иллюстрированные издания, а во-вторых, в российских источниках данного периода могли наиболее ярко отразиться некоторые негативные стереотипы о поляках (период после Январского восстания).

Важно, что все привлеченные источники были одобрены цензурой Министерства просвещения, поэтому можно считать, что в них публиковалась официальная позиция властей. Целью таких изданий, как правило, было не только формирование визуального образа того или иного народа, но и создание образа «чужого» и «своего».

Русским человеком поляк воспринимался в первую очередь как ревнивый католик, деспотичный шляхтич и неисправимый революционер. Л.Е. Горизонтов писал: «В Российской империи за поляками закрепилась репутация непримиримо враждебных государственному порядку элементов. Убеждение это крепло от одного польского заговора и восстания к другому, достигнув своего апогея в 60-е гг. XIX в.» [1. С. 100]. С другой стороны, государственными чиновниками поляки зачастую воспринимались как «стоящие на высшей степени цивилизации сравнительно с Россией» [2. С. 322].

Что касается польского «нрава», то здесь существенно заметно влияние польского автостереотипа. На рубеже XVIII и XIX вв. польские писатели и общественные деятели создают польский автостереотип, опираясь на который Адам Мицкевич сконструировал особенности польского народа. Поляк у Мицкевича неупорядочен и податлив, непрактичен, не заинтересован в общественной и политической жизни, пассивен, экзальтирован, весел – в общем, во всем противопоставлен члену западного мира. Таким образом, в польской и русской литературе складывается весьма конкретный стереотип о поляке. По утверждению М.В. Лескинен, именно портрет, составленный А. Мицкевичем был воспринят французской и русской историографией второй половины XIX в. [3. С. 120]. Наша цель – выявить, в какой степени воспринятый портрет Мицкевича можно увидеть на визуальном материале.

В середине XIX в. начинается «новый этап осмысления народности и этничности в России, а также их отождествления, когда в русской беллетристике под

французским влиянием весьма популярным становится жанр так называемых «физиологий», или «типов»» [4. С. 49]. И эти «типы» и «физиологии», в соответствии с уровнем развития этнографической науки данного периода, были собирательными. М.В. Лескинен приводит цитату В.Г. Белинского, которая дает нам понять, что человек середины XIX столетия понимал под «типом»: «...их [типов] авторы должны обладать умениями “живописца с натуры”, а “сущность типа состоит в том, чтоб, изображая, например, хоть водовоза, изображать не какого-нибудь одного водовоза, а всех в одном”» [4. С. 50]. В этой связи интересно и то, насколько подлинной была картина, которую рисовали русские.

В 1862 г. выходит иллюстрированный альбом «Этнографическое описание народов России» Густава-Теодора Паули (1817–1867), создание и издание которого было приурочено к тысячелетию Российского государства. Существовавшие на тот момент этнографические публикации уже мало соответствовали научному уровню середины века, поэтому целью труда Паули было также и восполнение образовавшейся лакуны в этнографической осведомленности читателей. Все иллюстрации сделаны с натуры, выполнены очень качественно и реалистично. Тексты же писались учеными-этнографами, поэтому издание считалось не только роскошным, но и авторитетным.

В соответствующей главе альбома даны две иллюстрации, на которых изображены поляки. Первая изображает поляков из разных городов и губерний. Заметно, что они не относятся к одной социальной группе: мы видим и крестьян, и горожан (рис. 1).

На второй иллюстрации изображены мужчина и две девушки из окрестностей Кракова. Хотя альбом и подразумевал описание народов, находящихся в составе Российской империи, его создатели, по всей видимости, решили пойти дальше и описать ту часть Польши, которая в состав империи не вошла (рис. 2).

В целом мы имеем дело с обобщенным описанием отличительных черт любого славянина. Но отметим, что наблюдается несколько пренебрежительное сравнение поляков с великороссами: «Внешностью поляки сильно отличаются от великороссов: голова у них меньше, они не столь рослые, черты их более тонкие. Им не хватает той особенной гармонии – если можно так выразиться – между душой и телом, своего рода уверенности, которой в известной мере обладают великороссы. Польское дворянство в целом довольно отчетливо отличается от народной массы» [5. С. 116].

В одежде поляков с иллюстраций заметна тенденция к представлению типично-обобщенного. По мнению автора описания, «представители знати одеваются вполне по-европейски» [5. С. 117], что противоречит иллюстрации. Даже если предположить, что краковяк со второй иллюстрации является «представителем знати», то одет он явно не по-европейски: на нем конфедератка и жупан. Конфедератка, судя по тому, что она в альбоме встречается еще дважды: на первой иллюстрации ее носит ребенок, и она упоминается в отрывке с описанием польского костюма («знать носит... цилиндрические шапки... но ниже и с квадратным куском ткани

сверху» [5. С. 117]), являлась для авторов раздела достаточно важной составляющей образа поляка. Можно предположить, что таким образом транслировался сте-

реотип о поляке-революционере, ведь конфедератка использовалась польскими повстанцами в ходе Ноябрьского и Краковского восстаний.

Desiné d'après nature par différents artistes, groupé par G. Huba.

lith par Wincelmann et fils à Berlin

POLONAIS DE DIFFÉRENTS GOVERNEMENTS.

Radom.
РАДОМЬ.

Lublin.
ЛЮБЛИНЬ.

Varsovie.
ВАРШАВА.

ПОЛКИ РАЗНЫХЪ ГУБЕРІЙ.

Plotsk.
ПЛОЦЬ.

Augustow.
АВГУСТОВО.

Рис. 1. Поляки. Из альбома Г.-Т. Паули

Desiné d'après nature par Huba

lith par J. D. S. S. à Paris

ПОЛКИ
(ОБЩЕСТВО КРАКОВА)
Polonais
(Esteris de Cracovie)

Рис. 2. Поляки. Из альбома Г.-Т. Паули

Следующий альбом – «Русские народы: наброски пером и карандашом» (1894), изданный под редакцией русского зоолога и антрополога Н.Ю. Зографа. Создателями издания ставилась конкретная цель – кратко ответить на те вопросы, которые потенциально могли возникнуть у русского человека при контакте с другими «русскими» народами (к концу века Польша обозначалась как «Привислинский край» и, в общем-то, согласно официальной доктрине империи, считалась ее окраиной). Издание содержит «таблицы» – иллюстрации на основе рисунков Л. Беянкина.

В первой части издания (альбом выпущен в двух частях) есть очерк о поляках с иллюстрацией. Иллюстрация поделена на девять пронумерованных частей, из которых шесть изображают поляков, а остальные три – предметы польского дома и убранства (рис. 3).

На иллюстрации изображены представители мазуров, курпов, великополян, краковян и жителей окрестностей Люблина. Из всех них более или менее подробно описываются только мазуры, и поскольку литография

черно-белая, то задача определить, где именно изображены мазуры, представляется весьма затруднительной.

В одежде поляков составитель очерка выделяет «мужской кунтуш, расшитый шнурами, с откидными рукавами, шапку конфедератку, да разноцветные сапоги со шпорами» [6. С. 18]. Он подчеркивает, что описанный костюм – это костюм прежних панов, а костюм народный проще и беднее и сохраняется почему-то только у мазуров, «тогда как в Южной Польше пиджак, картуз, шляпа и городское платье почти совсем вытеснили красивые национальные костюмы» [6. С. 18].

В целом не создается впечатления, что перед нами крестьяне (хотя иллюстрации свидетельствуют об обратном: мы видим избу, вилы, веретено, лапти). Девушки затянуты в корсеты, мужчины в волошках – это не те признаки, которые на рубеже веков говорили о принадлежности к крестьянству. Возможно, автор иллюстрации считал дворянскую одежду более узнаваемой и, собственно, более «польской» (на иллюстрации есть и традиционная конфедератка).

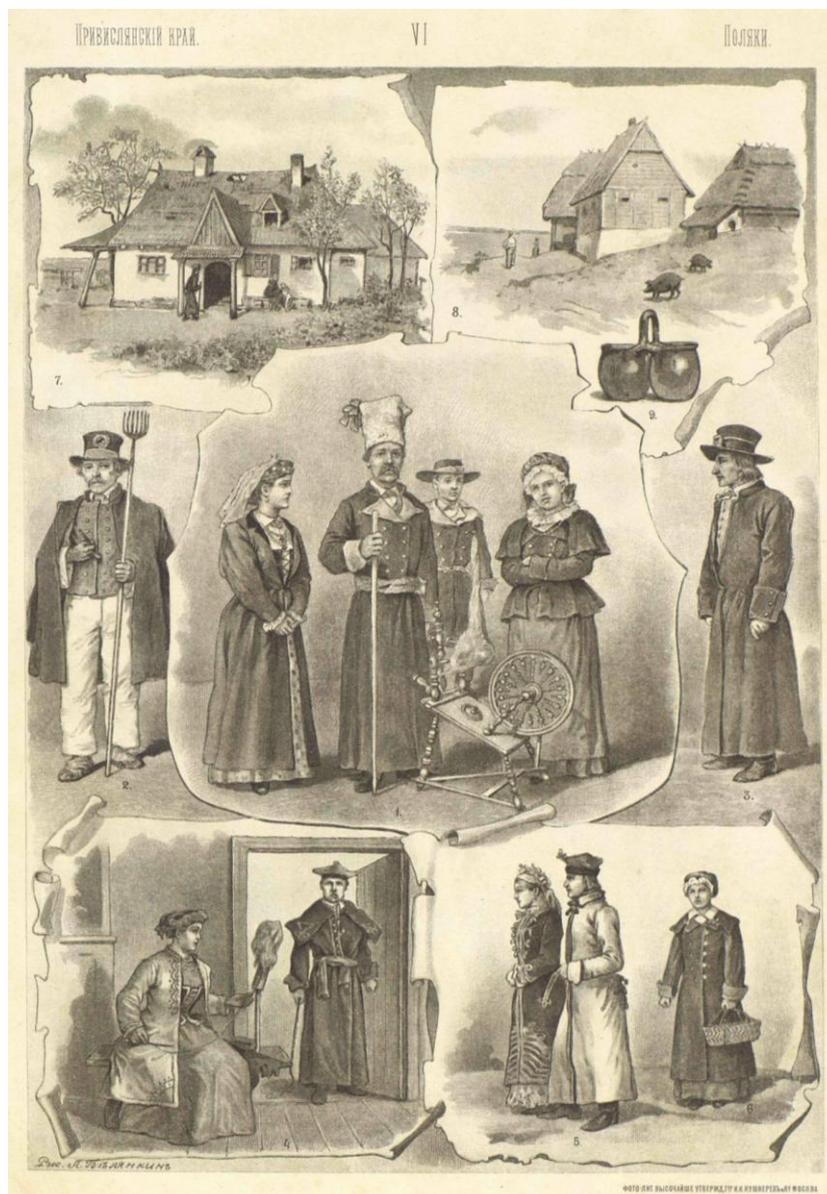

Рис. 3. Поляки. Из альбома Н.Ю. Зографа

В 1903 г. выходит еще одно издание в трех томах с географическими, историческими и этнографическими очерками – «Народы земли: географические очерки жизни человека на земле», подготовленное коллективом авторов под редакцией А.Я. Острогорского. Весь материал разделен на три тома и скомпонован в соответствии с частями света.

В рамках работы интересен третий том, посвященный Европе. В частности, в нем содержится очерк о поляках, причем в разделе, посвященном народам России (рис. 4). Примечательно и то, что очерк под названием «Поляки» начинается со слов: «Царство Польское, иначе Привислинский край, есть обломок распавшегося государства...» [7. С. 72], – а при описании разделов в главе, посвященной истории, ни слова не говорится о двух других участниках раздела «польского пирога». Являлся ли такой ход способом конструирования имперской идентичности? Вопрос спорный: с одной стороны, может показаться, что да, поскольку и в других источниках этого периода встречается попытка перенести «национальное» в плоскость «имперского», а с другой стороны, автор очерка упоминает, что фон польской общественной жизни остается национальным, что весьма странно, поскольку проводится русификаторская политика.

Рис. 4. Поляки. Из книги А.Я. Острогорского

В самом очерке указывается, что польские «племена» мало разнятся между собой, потому что «общественные и национальные связи сплотили все эти племена в одно целое, в котором исчезают куявки, ксенжаки, курпы и т.п.» [7. С. 73]. Это удивительно, поскольку почти во всех других российских источниках нам пытались наглядно продемонстрировать различия между польскими субэтническими группами если не в чертах внешности, то как минимум в их гардеробе.

Переходя к описанию поляков, автор очерка пишет, что польскому крестьянину долгим рабством были привиты такие черты, как «приниженность, подбострастность и лицемерие по отношению к имеющим силу и власть. Польский крестьянин переносит оскорбления... Однако природная даровитость и стремление к свободе, столь характерные для польской шляхты, не чужды и крестьянству» [7. С. 73]. Но при этом полякам, по мнению автора, присущи «широкое гостеприимство и добродушие, часто переходящие в искреннюю сердечность» [7. С. 73–74], что подтверждается им в описании их внешнего вида: «Выражение физиономии, оживленное веселостью и добротой, часто без заметного перехода становится грустным и страдающим» [7. С. 74].

В эпоху Великих реформ Александра II появилась идея, что просвещать необходимо не только культурную элиту, но и малообразованные слои населения империи. Эта идея нашла свое отражение в сфере печати – распространение получают иллюстрированные периодические издания.

Одним из таких периодических изданий был журнал «Нива» – самый широко тиражируемый журнал на территории Российской империи. Он издавался еженедельно в Санкт-Петербурге с 1870 по 1917 г. и охватывал широкий круг различных тем. В отдельном разделе «Этнографические картины и культурно-исторические очерки» публиковались разнообразные материалы по истории костюма, этнографии, географии и т.д. Но рубеж веков характеризуется, по всей видимости, падением интереса к разделу, поскольку он переименовывается в «Географические, астрономические и этнографические очерки», и «астрономическая» составляющая заметно больше. В последних выпусках данный раздел и вовсе отсутствует.

Первое обращение к полякам на страницах «Нивы» встречается уже в № 16 за первый год выпуска (1870). В номере напечатана статья [8. С. 247] с иллюстрацией, посвященная кочевникам на берегах Вислы (иллюстрация «Польские сплавики», иллюстрировал Ю. Коссака, гравировал Рашевский; рис. 5). Незнакомый автор очерка подчеркивает «полудикость» сплавицков, о чем свидетельствует описание их образа жизни, но не внешний вид: они выглядят как обычные крестьяне, без всяких намеков на «полудикий» образ жизни. Мужчина даже носит конфедератку и жупан, несмотря на кочевой образ жизни).

Следующая статья на «польскую тематику» посвящена Варшаве (№ 7 и 8, год IV, 1873). Статье сопутствуют две гравюры – «Лазенковский дворец в Варшаве», «Резервуар в Лазенках в Варшаве». П. Полевой (автор статьи) описывает Варшаву как «красивый город, полный удобств и приятный во многих отношениях» [9. С. 110] (а о средневековой Варшаве он говорит как о беспорядочной и неопрятной). В целом у Полевого Варшава создает впечатление весьма красивого и изящного города: «Варшава, веселая, нарядная, комфортабельная, с увеличивающимся трудолюбивым, развитым населением, должна по справедливости заслуживать все наше внимание... Во многих отношениях... может она послужить образцом для нас...» [9. С. 126]. Что важно для нас в этой статье, так это акцент на то,

что такой Варшава, по мнению автора, была не всегда. Видимо, он предполагает, что владычество Российской империи на этих землях привело город в благостный вид.

Рис. 5. Польские сплавщики. Из журнала «Нива»

Короткая статья в № 42 за 1873 г. посвящена Люблину (автор не указан). Она содержит небольшую историческую сводку и перечень основных достопримечательностей города. Статья напечатана вместе с иллюстрацией Э. Гораздовского с рисунка с натуры Боярского «Вид города Люблина», на которой Люблин так же имеет благоприятный вид спокойного и очень красивого города.

В № 33 за 1875 г. опубликована еще одна статья с иллюстрацией, в которой читателю предлагается ознакомиться с Варшавскими достопримечательностями. Сам очерк с иллюстрацией посвящен Варшавской ратуше. По мнению автора, площадь, где располагается Ратуша, является одной из изящнейших в Варшаве. Иллюстрация ничем не отличается от предыдущих, но с целью подтвердить слова автора справляется.

В № 37 в комплекте за 1876 г. также есть статья о Варшаве, посвященная Саксонскому саду (автор указан как Баг-аго, рисунок и гравюра выполнены Гораздовским). Большую часть статьи автор посвятил истории Саксонского сада, но, описывая его внешний вид, он подчеркнул роскошную растительность, велико-

лепный запах цветов, пение птиц. На иллюстрации к статье изображено светское мероприятия в Саксонском саду.

Еще одна статья за авторством М.А. Анненкова в № 33 от 1887 г. посвящена Люблину. Различие только в содержании статей: если первая описывала сам Люблин и его историю, то вторая сосредоточивается вокруг городских достопримечательностей. Визуальный образ же читается только по иллюстрации «Виды города Люблина» (оригинальный рисунок Скорнякова, гравировал М. Рашевский). В целом никаких признаков стереотипизации тут не обнаруживается.

В № 22 за 1892 г. помещена уже четвертая статья, посвященная Варшаве (автором выступил уже писавший о Варшаве П.Н. Полевой). Описывается история Польши начиная с разделов Речи Посполитой; акцент сделан на установлении в Польше российской власти, после чего увеличивается доля русского населения города. Отмечаются и изменения, которые произошли с городом в последнюю треть столетия: «...узкие, грязные улицы расширились и обстроились высокими, прекрасными домами, явились новые скверы и гульбища, город во всех направлениях покрылся сетью конножелезных дорог» [10. С. 492]. И снова мы встречаем суждения о преобразении города с приходом туда имперской администрации: если прежде Варшава была грязным и неудобным городом, то после прихода русских властей она меняется в лучшую сторону. И снова Полевой оценивает современную ему Варшаву очень высоко. Иллюстрации его слова подтверждают (их тут, к слову, целых шесть; иллюстрации выполнены А. Рихтером) и изображают очень симпатичные и элегантные достопримечательности города.

По всей видимости, со временем у русского читателя интерес падает как к польской тематике, так и к этнографии в целом: ближе к 1890-м гг. сюжетов о Привислинском крае становится все меньше и меньше, а затем они и вовсе пропадают.

Так или иначе, очерки о польских городах встречаются в «Ниве» шесть раз, и все они посвящены крупным городам – Варшаве и Люблину, хотя разнообразие позволяло бы авторам статей рубрики более или менее регулярно публиковать статьи о Польше и не повторяться.

В самих статьях мы не заметили намеренных попыток сильно исказить в негативную сторону образ поляка и его города. Сделать выводы, судя по одной иллюстрации, изображающей поляка, очень тяжело, если не невозможно. Можно отметить только один момент: судя по всему, бытовало убеждение, что Польша и поляки пребывали в «полудиком» состоянии до перехода под власть Российской империи (во всяком случае намеки на это есть и в единственной статье о поляках, и в нескольких статьях о польских городах). И если польские города со временем преобразились и приобрели цивилизованный вид, то с населением бывшей Речи Посполитой было сложнее, и они свое «полудикое» состояние сохранили.

Еще одним журналом, в котором печатались этнографические очерки, было «Живописное обозрение стран света» – еженедельный иллюстрированный

журнал, который выходил в Санкт-Петербурге с 1872 по 1906 г. Будучи научно-популярным журналом, «Живописное обозрение» включало в себя как поэзию и прозу, так и статьи научного характера. Ко многим иллюстрациям, в отличие от «Нивы», здесь полноценная статья не дается – в некоторых случаях редакторы ограничиваются небольшими описаниями в разделе «К рисункам».

В № 42 от 1873 г. опубликована иллюстрация, на которой изображены два «общих» польских типа и четыре «частных» (рис. 6). Персонажи на иллюстрации не оригинальные: они позаимствованы из альбома Г.-Т. Паули «Народы России» (только персонаж в левом верхнем углу кажется оригинальным. Похожего на него персонажа у Паули нет, да и оригинален он как минимум тем, что изображен с бородой – до этого мы бородатых поляков на страницах изданий не встречали).

Здесь поляки, в отличие от предыдущих источников, представлены именно через портреты (изображается польский «тип»), а в предыдущих материалах основное внимание, как кажется, уделялось национальному костюму, потому что через него было легче представить народ и его отличие от других. Подписи не к каждому портрету, к слову, позаимствованы у Паули. Например, поляк, изображенный в правом верхнем углу, у иллюстратора представляет «общий польский тип», а у Паули является жителем Кракова, а девушка в нижнем левом углу успела за 11 лет переехать из Кракова в Люблин. На этой иллюстрации мы не встречаем негативного отображения поляков, но, безусловно, видим наличие стереотипизации в некоторых элементах внешности и одежды: конфедратки и усы на польский манер, достаточно заметный крест на шее у девушки, характерные «орлиные» носы, описанные у Паули.

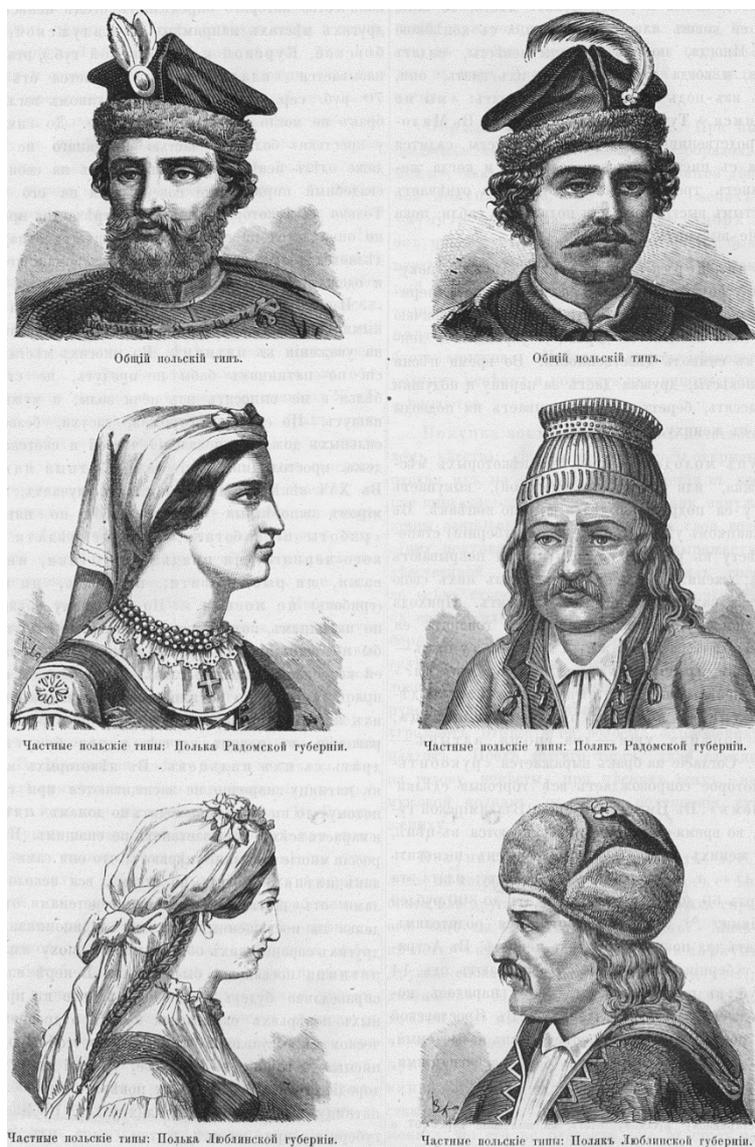

Рис. 6. Поляки. Из журнала «Живописное обозрение стран света»

В № 31 за 1876 г. опубликована статья о Варшаве с иллюстрацией к ней. В статье также приводится история города. И снова мы встречаем то же мнение, которое транслировалось в «Ниве»: «...с учреждением

Царства Польского и присоединением оно к России 20 июня 1815 года все приняло другой вид и возросло с необыкновенной быстротой» [11. С. 491]. На иллюстрации (рисовал А. Григорьев, гравировал Е. Мали-

новский) представлена панорама Замковой площади; изображена польская повседневность – множество людей куда-то едут верхом и идут пешком, эта многолюдность подчеркивается и в самой статье. Искусное выполнение гравюры позволяет судить об отсутствии предрассудков по отношению к современному виду города.

На исходе XIX в. журнал тоже попадает в волну снижения интереса к этнографии, да и к науке в целом. В сравнении с разделами поэзии и прозы научных статей становится в разы меньше. Этнографических же очерков не остается почти совсем.

В рамках работы привлекались и этнографические материалы из сборника «Народы России: этнографические очерки» (1878–1880), издававшегося редакцией еженедельного журнала «Природа и люди». Весьма масштабное научно-популярное издание, описывавшее разные народы в составе Российской империи, пользовалось большой популярностью.

Уже в предисловии к альбому его составители упоминают «Народы России» Г.-Т. Паули. Они отмечают, что издание было действительно роскошным, но вследствие этого далеко не каждый мог себе его позволить. Составители «Народов России» 1878–1880 гг. сочли необходимым сделать альбом более доступным

для широких масс, составив его в меньших размерах и таким образом удешевив его, и издать на русском языке.

Говорить о самой статье в этом сборнике, посвященной полякам, в целом нечего. Высокая оценка альбома Паули, очевидно, и сподвигла без большого количества изменений позаимствовать его текст. То же самое можно сказать и об иллюстрациях. Хотя они и не полностью скопированы из альбома Паули, но выполнены однозначно на его основе.

Необычными произведениями печатной графики являются вкладыши в кондитерские изделия фирмы «Эйнем». В 1896 г. кондитерским предприятием была нарисована и выпущена серия вкладышей «Типы народов земного шара», которые прикладывались к продаваемым шоколаду и какао. Серия состояла из 14 открыток с портретами различных народных типов (опять же, здесь изображены портреты, мы имеем дело с «типами»; рис. 7). Так как далеко не все могли позволить себе покупку достаточно дорогостоящего удовольствия в виде конфет, сказать, что вкладыши стали массовым средством распространения этнографического знания, нельзя, но нужно признать, что такой способ ознакомления с этнографией был очень необычным и оригинальным для увеличения продаж: появлялся стимул для покупки ввиду интереса к коллекционированию.

Рис. 7. Поляки (1, 3). Из вкладыша фирмы Эйнем «Типы народов земного шара»

Н. Михайлова в статье «Этнографические сюжеты в произведениях печатной графики на рубеже XIX–XX веков» обращает внимание, что основой для автора открыток «Эйнема» стало исследование «Народы земли», вышедшее под руководством А. Острогорского. Трудно в полной мере согласиться с Н. Михайловой: первая серия вкладышей вышла в 1896 г., в то время как «Народы земли» издавались с 1903 г. Можно предположить, что существовал третий источник, который и вдохновил обоих иллюстраторов на создание некоторых портретов, но изображений поляков это точно не касается.

На самом вкладыше представлено два портрета с польскими типами – молодой дворянин и пожилой крестьянин. И если по портрету молодого поляка можно однозначно сказать, что перед нами польский тип (характерные усы, шапка-кушма, прическа, хитрый взгляд), то пожилого поляка без соответствующей подписи легко можно было спутать с условным молдаванином (это и борода, которая крайне редко изображалась на польских типах, и смуглый оттенок кожи).

Завершает обзор монументальное 19-томное издание «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» – научно-популярный энциклопедический труд, каждый из томов которого посвящен тому или иному региону Российской империи и призван дать наиболее полную информацию по его истории, географии, этнографии, культуре, быту, фольклору и т.д. Данное издание было подготовлено и реализовано типографией товарищества М. О. Вольфа под редакцией П.П. Семенова и издавалось в течение 20 лет: с 1881 по 1901 г. «Живописная Россия» стала одним из самых дорогих изданий в истории российского книгопечатания, а сам М.О. Вольф ждал, что издание найдет сочувствие и интерес у российского читателя.

«Живописная Россия» и инициатор ее создания М.О. Вольф были обвинены М.О. Кояловичем в пропольской ориентации. Сам М.О. Вольф был выходцем из Царства Польского (крещеным евреем). Первоначально его задумкой было издание иллюстрированного труда с описанием Польши, но ситуация

в русско-польских отношениях, изменившаяся после Январского восстания, заставила Вольфа поменять планы и реализовывать эту идею уже через выпуск многотомного издания с описанием всей империи. По словам Л.Е. Горизонтова, «“Живописная Россия” попадала в опасный контекст очередного польского заговора» [12. С. 68]. Хотя, как кажется, инкриминация полонофильских настроений не может в контексте данного издания считаться оправданной, поскольку создатели издания при выпуске томов всего лишь двигались с северо-запада на юго-восток страны.

Отдельный том «Живописной России» (IV) посвящен Царству Польскому (1896). Сам том получился слишком объемным, поэтому был издан в двух частях. Иллюстрации изображают буквально все аспекты польской жизни и истории: это и языческие идолы, и польские выдающиеся деятели, и различные достопримечательности.

Отдельный очерк в первой части тома посвящен быту польского народа (за авторством Е. Карновича – русского историка и писателя, прослужившего 10 лет в Вильне). Здесь нас, конечно же, будут интересовать иллюстрации и описания к ним, то есть именно визуальный компонент.

Первая иллюстрация в очерке называется «Типы мазуров». В очередной раз мы встречаем заимствование из альбома Г.-Т. Паули и снова отмечаем, что если у Паули эта иллюстрация была дана с целью показать различия между польскими типами из разных местностей, то здесь все персонажи являются мазурами, что странно, ведь сам очерк достаточно детально описывает различия во внешности поляков, населяющих разные губернии. По этой причине примечательна и иллюстрация, изображающая калишан: на ней изображены те же персонажи, что и на иллюстрации с типами мазуров, хотя калишане и мазуры – две разные субэтнические группы поляков. Скорее всего, здесь вина лежит на иллюстраторе, который с большой долей неаккуратности воспроизвел одних и тех же персонажей дважды.

Одежда изображенных мазуров слишком разнообразна, чтобы судить о соответствии между описанием и иллюстрацией и делать выводы о каком-то унифицированном костюме мазурских поляков. Мазуров нам описывают людьми, очень честолюбивыми, которые «скорее вынесут жестокую боль, чем словесную обиду» [13. С. 260], однако храбрыми, набожными и трудолюбивыми, ловкими и красивыми.

Судя по всему, Карнович разделял распространенный стереотип не только о поляках, но и в принципе о склонности людей к тем или иным чертам темперамента в зависимости от стороны света, к которой они ближе проживали: так, кашубы описываются как «понурые», они носят длинную темную одежду, великополяки отличаются флегматическим темпераментом и протяжной речью, а поморяне не отличаются подвижностью, обыкновенно мрачны, понуры, почти никогда не поют и не пляшут. Напротив, куявы и калишане «отличаются большей живостью и служат как бы переходом к населению Малой Польши и мазовшанам» [13. С. 246]. Жителей юга автор описывает в более

живом ключе: они разговорчивы, не против попеть, подвижны, любознательны, проворны. Таким образом, можно сделать два вывода: во-первых, Карнович был склонен следовать за дихотомией Север–Юг, где население северных районов было более сдержанным, и, если можно так выразиться, суровым, а население районов южных было более живым и легким; во-вторых, можно отметить, что Карнович не разделял стереотип о польском типе как о едином веселом и жизнерадостном. Для него существовали различия между субэтническими группами поляков. Но определенные переносы распространенных стереотипов на описываемых им поляков все же присутствуют: например, южные поляки разговорчивы, любят петь, живы, веселы, мазуры честолюбивы и т.д.

Представлены и две иллюстрации, на которых изображены «краковяки»: на одной изображено двое взрослых мужчин и один ребенок (рис. 8), на второй – нарядный мужчина. В тексте говорится, что краковяки «телосложения крепкого, подвижны... среднего роста... отличаются живостью» [13. С. 245]. Иллюстрации вполне отражают тот характер, которым наделил краковяков Карнович: по рисункам заметно, что краковяки общительны (не прочь поболтать даже с ребенком) и подвижны. Упоминается и их набожность, которая выражается «в постройке на дорогах множества больших крестов, распятий и статуй Спасителя, Богородицы и разных святых» [13. С. 262], что на иллюстрации действительно отображено: позади персонажей изображен высокий крест.

Краковяки (въ окрестностях Кельской губ.).

Рис. 8. Краковяки. Из книги «Живописная Россия»

Карнович пишет, что в одежде, «по наблюдениям этнографов... отражается весьма ясно характер народа» [13. С. 247]; по мнению этих неназванных этнографов, те места, где носят белый, красный, светло-голубой, зеленый и синий, населяют люди, более подвижные, приветливые и веселые, а там, где носят темные цвета, жители бывают понуры, а если и веселятся, то переодеваются в яркие цвета (подчеркивается, что эта тенденция наряжаться в яркие цвета особенно отчетлива именно у поляков). Судить же о том, насколько «приветливыми» или «понурыми» изобразили тех или иных поляков по иллюстрациям, сложно, поскольку гравюры нам даны в черно-белом цвете, и цвет одежды определить невозможно.

Кувявки описываются как сильный, здоровый и трудолюбивый народ. Их гардероб составляют синий сукман, кафтан синего, черного или зеленого цвета, синий пояс, платки на шее и шляпы с узкими полями и широкой тульей либо же конфедератки (т.е. мы уже понимаем, что Карнович относит кувяков, судя по цветам одежды, к народам северным и «суровым»). Курпов, их внешность и одежду, описывать подробно вообще не стали, поскольку они являются отраслью мазуров, но отмечается, что они очень набожны.

Дана и иллюстрация, изображающая крестьянина из Вилянува. Одет он вовсе не «по-крестьянски», во всяком случае, даже если крестьяне и позволяли себе такие вещи, то точно не для работы в поле. Странной она кажется и в связи с тем, что на прочих рисунках крестьяне изображены в более свойственной для них одежде.

На этом подробное описание отдельных групп польского народа в данном очерке в части I заканчивается, что странно, ведь групп в нем названо было куда больше. Свое небольшое продолжение, однако, описание находит во второй части IV тома, в очерке, посвященном географии Польши (за авторством В. Чуйко).

Здесь читателю повторно дается описание краковяков и мазуров, однако уже без иллюстраций с польскими типами. Из нового в данном очерке можно отметить только описание сандомиров, которые представляются читателю рослыми, серьезными и более мрачными, чем краковяки, хотя на них и похожими.

Сами иллюстрации, изображающие поляков и их быт, как кажется, подчеркивают несколько раз упомянутую набожность поляков (снова находит подтверждение наличие стереотипа о поляке как истовом католике). В томе содержится много рисунков, которые иллюстрируют христианскую обрядность поляков; на многих рисунках мы встречаем изображение крестов и икон.

Иллюстрации, изображающие польскую деревню, кажутся весьма реалистичными и свободными от предрассудков. Все достаточно типично: сельская местность, крестьяне, их быт. Интересно, что в очерке о быте польского народа описывается только крестьянский быт. Да и вообще значимым отличием публикаций этого периода на историко-географическую тему является то, что активно эксплуатируется образ крестьянина: именно крестьяне выступают носителями этнических особенностей народа, его культуры (считалось, что крестьянство лучше сохраняет свой «народный характер»).

К городам и их населению обращаются уже в следующем очерке, который называется «Черты минувшей жизни». Иллюстрации в очерке призваны продемонстрировать величественность и красоту отдельных произведений польской архитектуры, а также их внутреннее убранство. В очерке мы, к сожалению, не находим иллюстраций с польскими некрестьянскими типами, но встречаем изображения польской городской повседневности, например празднования Пасхи.

Во второй части два очерка уже посвящены польским городам: отдельный очерк о Варшаве (причем достаточно объемный) и второй про все прочие крупные города. Очерк о Варшаве содержит так много иллюстраций и фотографий, что позволяет читателю как бы в буквальном смысле «побывать в городе», не выходя при этом из собственного дома. Примечательно, что одна из иллюстраций позаимствована из журнала «Живописное обозрение». Она является точной ее копией, поскольку даже образно изображенные люди полностью совпадают с теми, что мы видим на страницах «Живописного обозрения».

В целом же Варшава после изучения очерка оставляет достаточно благоприятное впечатление. Изображено огромное количество польских достопримечательностей. Детально выполненные рисунки и описания к ним позволяют судить о том, что автор – В. Чуйко – высоко оценивал внешний вид Варшавы и был свободен от предрассудков.

Что касается прочих городов, то здесь, судя по всему, в очередной раз была предпринята попытка подчеркнуть стереотипную набожность поляков: в огромном количестве приводятся художественные иллюстрации и фотографии костелов, кафедральных соборов и церквей. Общие же виды представлены по большей части фотографиями, но за редким исключением.

Вообще иллюстрациями и фотографиями польской природы и городской среды снабдили почти все очерки, очевидно, с той целью, чтобы читатель как можно лучше смог понять и представить, кто такой поляк и где он живет.

Таким образом, проанализировав источники, в которых дается визуальное изображение поляков и Царства Польского, можно сделать следующие выводы. По большей части визуальный образ Царства Польского действительно транслировался через определенный набор стереотипов, которые встречаются практически в каждом источнике. Как правило, стереотип выражался в польской одежде – «традиционные» элементы польского национального гардероба встречались даже на тех иллюстрациях, на которых их в принципе быть не должно было. В более поздних источниках (например, «Народы земли» и «Живописная Россия») встречается и перенос черт, которые традиционно приписываются полякам, таких как честолюбие, веселость, набожность, подобострастность и при этом стремление к свободе, на весь польский народ.

Наше предположение, что визуальный образ Царства Польского в российских изданиях должен был быть негативным, тоже частично подтвердилось. Стоит отметить, что такое отношение в разной степени проявляется в источниках. Если в самом раннем из

взятых нами источников (у Г.-Т. Паули) мы встречаем как будто несколько пренебрежительное отношение к полякам, то в самом позднем («Народы земли») уже откровенно имеем дело с выделением негативных черт

польского народа. В описаниях польских городов нередко подчеркивалось преобразование их с приходом туда Российских властей, и к современному их виду авторы очерков никаких претензий не имели.

Список источников

1. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М. : Индрик, 1999. 270 с.
2. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала. 1860–1862 / под ред. Л.Г. Захаровой. М. : Рос. фонд культуры : Студия «Трит» Никиты Михалкова, 1999. 558 с.
3. Leskinen M.V. Польский характер в российской этнографии XIX века // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 112–130.
4. Leskinen M.V. Материальные атрибуты этнической идентификации в визуальных репрезентациях народов Российской империи // Традиционная культура. 2011. № 1 (41). С. 47–58.
5. Pauli T. Description ethnographique des peuples de la Russie. Saint-Petersbourg : Imprimerie de F. Bellizard, rue de la poste, 1862. № 8. 310 p.
6. Русские народы: наброски пером и карандашом / текст под ред. Н.Ю. Зографа; рис. Л.Л. Белянкина. М. : И.Н. Кушнерев и К°, 1894. 27 с.
7. Народы земли: географические очерки жизни человека на земле / под ред. А.Я. Острогорского. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. Т. 3. 490 с.
8. Кочевники по берегам Вислы // Нива. 1870. Год I, № 16. С. 247.
9. Полевой П.Н. Варшава // Нива. 1873. Год IV, № 7. С. 110–111; № 8. С. 124–126.
10. Полевой П.Н. Город Варшава // Нива. 1892. Год XXIII, № 22. С. 492–494.
11. Город Варшава // Живописное обозрение. 1872. № 31. С. 490–491.
12. Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М. : Индрик, 2004. С. 62–75.
13. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. СПб. : Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1896. Т. IV, ч. 1. 516 с.

References

1. Gorizontov, L.E. (1999) *Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she* [Paradoxes of Imperial Policy: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moscow: Indrik.
2. Milyutin, D.A. (1999) *Vospominaniya general-fel'dmarshala. 1860–1862* [Memories of a Field Marshal. 1860–1862]. Moscow: Russian Cultural Foundation: Nikita Mikhalkov's Trite Studio.
3. Leskinen, M.V. (2014) *Pol'skiy kharakter v rossiyskoy etnografii XIX veka* [Polish Character in Russian Ethnography of the 19th Century]. *Otechestvennye zapiski*. 4(61). pp. 112–130.
4. Leskinen, M.V. (2011) *Material'nye atributy etnicheskoy identifikatsii v vizual'nykh reprezentatsiyakh narodov Rossiyskoy imperii* [Material Attributes of Ethnic Identification in Visual Representations of the Peoples of the Russian Empire]. *Traditsionnaya kul'tura*. 1(41). pp. 47–58.
5. Pauli, T. (1862) *Description ethnographique des peuples de la Russie*. Vol. 8. Saint-Petersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, rue de la poste.
6. Zograf, N.Yu. (ed.) (1894) *Russkie narody: nabroski perom i karandashom* [Russian peoples: Sketches in pen and pencil]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.
7. Ostrogorskiy, A.Ya. (ed.) (1903) *Narody zemli: geograficheskie ocherki zhizni cheloveka na zemle* [Peoples of the Earth: Geographical essays on human life on the Earth]. Vol. 3. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
8. Anon. (1870) *Kochevniki po beregam Visly* [Nomads along the banks of the Vistula]. *Niva*. 6. pp. 247.
9. Polevoy, P.N. (1873) *Varshava* [Warsaw]. *Niva*. 7. pp. 110–111; 8. pp. 124–126.
10. Polevoy, P.N. (1892) *Gorod Varshava* [The city of Warsaw]. *Niva*. 22. pp. 492–494.
11. Anon. (1872) *Gorod Varshava* [The city of Warsaw]. *Zhivopisnoe obozrenie*. 31. pp. 490–491.
12. Gorizontov, L.E. (2004) “Pol'skaya tsivilizovannost” i “rusское varvarstvo”: osnovaniya dlya stereotipov i avtostereotipov [“Polish Civilization” and “Russian Barbarism” Grounds for Stereotypes and Autostereotypes]. In: Leskinen, M.V. & Khorev, V.A. (eds) *Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'shi i Rossii* [The Myth of Europe in the Literature and Culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik. pp. 62–75.
13. Semenov, P.P. (eds) *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskoy i bytovom znachenii* [The Picturesque Russia: Our Fatherland in Its Land, Historical, Tribal, Economic, and Everyday Meanings]. Vol. 4(1). St. Petersburg: M.O. Volf.

Сведения об авторе:

Павличенко Дарья Игоревна – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dasha00.000@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pavlichenko Darya I. – Master's Student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dasha00.000@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 11.02.2022; accepted for publication 15.05.2025